

УДК 316.476 (101 + 14)

СОПЕРНИЧЕСТВО: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

© 2015 г. Э. И. Белоус

*Южно-Российский государственный политехнический университет
(Новочеркасский политехнический институт)*

В представленной автором статье рассматривается феномен соперничества, отношение к нему в классической и постклассической философии.

Ключевые слова: *соперничество; философия Ницше; Фрейд; Фромм; модус бытия; индивидуалистическое общество.*

In the article author presents the review of phenomenon of competition, its attitude in classical and post-classical philosophy.

Key words: *competition; philosophy of Nietzsche; Freud; Fromm; mode of existence; individualistic society.*

В современном обществе соперничество становится важнейшей формой социального взаимодействия. Тем самым, оно нуждается в глубоком философском осмыслении.

Если обратиться к европейской философской традиции, то мы увидим, что осмысление феномена соперничества, его роли в истории человека и общества, занимает в ней достойное место. Этот феномен занимал умы как представителей классической философии (от Гоббса до Гегеля), так и постклассической. Пожалуй, наиболее пристальное внимание к феномену соперничества мы наблюдаем в философии Ницше.

Постулирование воли к власти в качестве основополагающей реальности позволяет Ницше рассматривать человеческую историю как процесс изменений на фоне непрерывного соперничества индивидуальных и групповых волей. В нем выделяются определенные стадии, когда победа какой-то из сил воспринимается обществом как бесспорная. На каждом этапе исторического развития есть часть общества, не желающая соперничать с «властью». Смирение покорившихся проявляется в вере в неизменность и вечность данной власти и соответствующей ей системы ценностей. Ницше называет их «последними

людьми», в отличие от которых «морально полноценные» стремятся к обретению власти над «другими». Благородный человек — воплощение воли к власти, он уверен в своей силе, настойчиво отстаивает свои права в соперничестве с другими. Обычный человек проживает свою жизнь «побежденным» господствующей точкой зрения, а великий — «побеждает» ее, создавая новые ценности. Истина моральной жизни, по Ницше, заключена в реализации каждым человеком присущей ему воли к власти, а мораль жертвенности есть «тенденция, враждебная жизни».

Ницше считает, что природа власти такова, что каждый субъект воления желает подчинить своей воле другого, в этом выражается «здоровое и священное» себялюбие. Есть другое себялюбие — бедное и голодающее, которое всегда хочет красть, — себялюбие больных [1, с. 54]. Больным, уязвленным себялюбие становится от сознания собственного бессилия, собственной неспособности одолеть другого в условиях честного состязания волей. Подобная «болезнь» возникает вместе с желанием занять почетное место нечестным путем, незаслуженно, предпочтя воровство достоинству.

Суть нравственной позиции Ницше, так

же как и его представлений о правильном устройстве социума заключается в том, что индивидуальные воли рождены для состязания, они должны иметь возможность честно соревноваться, и тогда «пусть проигравший плачет». Честное ведение соревнования не порождает у победителя желания злорадствовать над проигравшим. Человек же, победивший несправедливым путем, напротив, исполнен плохих чувств к поверженному, хотя и более сильному сопернику. Таких людей Ницше называет расой «людей ressentiment»: «В то время как благородный человек полон доверия и открытости по отношению к себе, человек ressentiment лишен всякой откровенности, наивности, честности и прямоты к самому себе. Его душа косит, ум его любит укрытия, лазейки и задние двери; все скрытое привлекает его как его мир, его безопасность, его услада; он знает толк в молчании, злопамятстве, ожидании, в сиюминутном самоуменьшении и самоуничужении. Раса таких людей ressentiment в конце концов неизбежно окажется умнее, нежели какая-либо знатная раса; она и ум-то будет почитать в совершенно иной мере, именно, как первостепенное условие существования» [2, с. 426].

«Мораль людей ressentiment» — это мораль торжества слабого над сильным. Ницше она ненавистна, т. к. ее суть связана с ложной, по его мнению, ценностью идеи равенства. Ницше полагает, что равенство не имеет права быть общественным идеалом потому, что оно исключает возможность соревновательности как моральной ценности. Равенство убивает общество как общество, разлагая его сначала в индивидуально-нравственной, а затем и в институционально-политической сфере.

Ницше утверждает фундаментальную роль соперничества в жизни сообщества. Там, где соревновательность воспринимается как органичный элемент жизни общества — там само общество, его политическая система оказываются здоровыми. Примером такого общества для Ницше была Древняя Греция.

Анализируя культуру Древней Греции, Ницше выделяет в ней борьбу двух начал — дионисийского и аполлоновского. В досократовском обществе преобладает культ Диониса — бога вина, любви, самой жизни. Это

эпоха избытка жизни, хаоса и страстей. Дионисийское начало символизирует мощь, силу человека, его способность к выживанию. В сократовском обществе доминирует культ Аполлона — культ разума, науки, самоограничения, свободы от диких порывов. Начиная с Сократа, разум стремится господствовать над жизнью. Мораль и разумность утверждаются любой ценой, даже ценой жизни.

Всякая культура, по мнению Ницше, есть синтез аполлоновского и дионисийского. Как только начинает преобладать аполлоновское рациональное начало, культура формализуется, становится менее жизненной; если же преобладает дионисийское — культуру может захлестнуть поток ничем не сдерживаемых страстей и необузданного варварства. Ницше — сторонник Диониса. Современная культура, по его мнению, находится в глубоком кризисе именно в силу явного преобладания рационального начала над жизнью, над инстинктами и, в конечном счете, над свободой человека.

Ницше показывает условный, исторический характер моральных устоев общества. В эпоху античности человечество было далеко от нынешних идеалов гуманности. «Борьба и жажда победы почитались за ценности, и ничто так резко не отделяет наш мир от греческого, как определяемый этим оттенок некоторых этических понятий, — например вражды (Эриды) и зависти» [3, с. 62]. Для древних греков зависть — далеко не порок, в отличие от современной культуры. В эллинской воинственной культуре отчетливо осознавалось, что в зависти черпает силы почти всякое человеческое начинание: она «побуждает к работе неумелого, и если человек неимущий имеет перед глазами человека богатого, то он начинает, подражая ему, сеять, сажать и наводить порядок у себя в хозяйстве; сосед вступает в состязание с соседом, когда тот пытается разбогатеть. Такая Эрида — благо для людей. Гончар соперничает с гончаром, плотник с плотником, нищий завидует нищему, певец певцу» [3, с. 63]. Для современного человека зависть также является мощным побудительным стимулом, однако христианская мораль учит его искать для своих действий иных — более благородных побуждений, тем самым ввергая его в духовное смятение, заставляя стыдиться и ненавидеть свои жела-

ния и страсти. Для грека же зависть является достаточно хорошим мотивом к действиям.

Массовые люди придумали себе и соответствующие религии — религии обиженных и угнетенных, религии сострадания — христианство и социализм. Христианское «моральное истолкование» мира фактически нивелировало людей и насадило «господство массы». Христианская мораль — это «восстание бессильных», «инстинкт стада против сильных и независимых, инстинкт страдающих и ошибающихся против счастливых, инстинкт посредственных против исключительных». Если «сильные» примут эти правила жизни «слабых» в качестве своих правил, то они сами превратятся в стадных животных. И мораль христианская, и мораль социалистическая только ослабляют, с точки зрения Ницше, личностное начало в человеке, это слишком человеческая мораль. «В человеке тварь и творец соединены воедино: в человеке есть материал, обломок, избыток, глина, грязь, бессмыслица, хаос; но в человеке есть и творец, ваятель, твердость молота, божественный зритель и седьмой день — понимаете ли вы это противоречие? И понимаете ли вы, что ваше сострадание относится к «твари в человеке», к тому, что должно быть сформовано, сломано, выковано, разорвано, обожжено, закалено, очищено, — к тому, что страдает по необходимости и должно страдать?» [4, с. 241].

Свободная душа должна быть «морально невинной». Все, что относится к человеку, должно быть преодолено, человек есть только путь к человеку, к тому человеку, который уже не животное, а воин, сверхчеловек. Стремясь к сверхчеловеку — такому существу, который обладает мощным дионисийским началом, сильно развитыми инстинктами, силой жизни, смелостью и настойчивостью, можно стать человеком в подлинном смысле этого слова.

Для сверхчеловека нужна и особая мораль. Свободный человек — воин, он ощущает моральные нормы как бремя и личную несвободу. Пробуждение личной воли проявляется у него как отрицание общеобязательного и общезначимого. «Я» хочет стать центром и лично определять меру и качество своих поступков. Для этого надо разрушить в себе прежнюю мораль, признать ценным

все то, что укрепляет волю, делает ее более сильной в борьбе за господство.

Вся жизнь — это беспощадная борьба групп, людей, взглядов. Власть, воля к власти — это право сильного. Стремление к власти двигает человека на высшие степени свободы и миропонимания. Только в борьбе человек может реализовать себя, найти свое жизненное предназначение, одержать победу над собой и другими. Таким образом, в философии Ницше соперничество возведено в ранг фундаментального свойства бытия и глубинной сущности человека.

Как отмечает И. Мюрберг, признание всепроникающей сущности властных отношений, введенное Ницше в дискурс о «человеческом», вынуждает трактовать индивидуальность в таком ракурсе, из которого невозможно устранить проблему отношений с «другим» как фактор формирования собственного «Я» субъекта. «Победитель — состояющийся — аутсайдер: любому из живущих ведомо каждое из данных трех состояний» в какой-либо из сфер социального бытия [5, с. 47–60].

Аристократическая этика и политическая теория Ницше вызывали и вызывают споры и неоднозначные оценки. Однако выраженная им идея о том, что человек по природе полон духа соперничества и взаимной вражды в конце XIX — первой половине XX в. укрепилась и получила свое развитие. Экономисты «доказывали» ее в терминах ненасытного стремления к экономической выгоде — конкуренции, а дарвинисты — в терминах биологического закона выживания наиболее приспособленных.

Фрейд пришел к тому же результату, исходя из биологической природы человека. Он утверждал, что мужчина постоянно побуждается безграничным желанием одержать сексуальную победу над всеми женщинами и что только социальное давление не дает ему действовать в соответствии со своими желаниями. В результате мужчины испытывают друг к другу неизбежную ревность, которая, как и соперничество, будет существовать всегда, даже если исчезнут все экономические и социальные причины.

Идеи Фрейда были весьма востребованы в западном обществе, что было обусловлено изменениями самого духа капитализма после

первой мировой войны: главным стало не экономить, а тратить. Самоограничение как средство добиться финансового успеха уступило место потреблению как основе все расширяющегося рынка и как главному способу удовлетворения для индивидов. Ведущей тенденцией в образе жизни стало стремление не откладывать удовлетворение каких-либо желаний «на потом».

Вместе с тем, нельзя не отметить, что развитие капиталистических отношений и проникновение рыночных отношений и конкуренции во все сферы социального бытия не способствовало популярности идеологии соперничества в ницшеанском или фрейдистском варианте. Напротив, как отмечает И. Мюрберг, современная культура с трудом ассимилирует ценностную составляющую понятия соревновательности. Буржуазное сознание отрицает его позитивное содержание, переводя соперничество из сферы межличностных моральных отношений в экономическую сферу и обозначив термином «конкуренция» [5, с. 47–60].

Неприятие соперничества в морально-правовом отношении во многом обусловлено желанием нивелировать всеобщность его проявления и противопоставить его распространению сдерживающие барьеры. В качестве таковых в первую очередь выступают мораль и религия, столь критикуемые Ницше.

В постклассической философии и психологии значимое влияние приобретает гуманистическое направление, развиваемое Э. Фроммом, К. Хорни, Э. Эриксон и др. Данные авторы развивают противоположную Фрейд психоаналитическую парадигму, в соответствии с которой отнюдь не биология, а культура рассматривается в качестве самых важных факторов развития личности.

Фромм стремление к соперничеству связывает с обладательным модусом бытия. Он полагает, что обладание как способ жизни, направленный на собственность и прибыль, порождает с необходимостью потребность власти. Чтобы сломить сопротивление тех, кого мы хотим подчинить себе, приходится применять силу. Человек обладательного модуса видит счастье в превосходстве над другими, в сознании своей силы, в конечном счете — в своей способности завоевывать, гра-

бить и убивать. Для человека противоположного модуса — экзистенциального — счастье состоит в том, чтобы любить, делиться, жертвовать, то есть жить и давать жить другим [6, с. 297].

В современном обществе, по мнению Фромма, распространено убеждение, что обладательный модус бытия так глубоко укоренился в человеческой натуре, что изменить его практически невозможно. На самом деле ситуация такова, что в человеческой природе заложены черты как потребительской, так и экзистенциальной ориентации, биологический инстинкт самосохранения усиливает в человеке модус обладания, но тем не менее эгоизм и лень — это далеко не единственные врожденные склонности человека. В нас от рождения заложена чрезвычайно глубокая потребность «быть»: существовать, давать выход своим способностям, проявлять активность, испытывать привязанность к другим людям, вырываться из тюрьмы своего одиночества и эгоизма. «Соучастие в значимом деле и сопричастность к высокому, великому мобилизует людей, подвигает их к солидарности и даже самопожертвованию. Потребность чувствовать свою причастность к общему делу неразрывно связана со специфическими условиями существования человеческого рода; она и сейчас составляет один из наиболее мощных импульсов человеческого поведения» [6, с. 325].

Людям присущи две ориентации: одна из них, с модусом «иметь», изначально черпает силу в биологическом факторе, в стремлении к самосохранению. Вторая ориентация — с модусом «быть» (а по сути — проявлять себя, дарить, делиться с другими, жертвовать собой) — обретает силу в специфических условиях человеческого существования и связана с присущей человеку потребностью в единении с другими людьми и боязнью одиночества. Учитывая, что эти две противоречивые ориентации живут в каждом человеке, можно сделать вывод, что, в конечном счете, общественное устройство, его ценности и нормы определяют, какая из двух станет доминирующей. Те культуры, в которых поощряется жажда наживы (где господствует модус обладания), опираются на одни задатки человека; те же, которые благоприятствуют бытию и единению, опираются на другие.

Эти ориентации предопределяются социально-экономической структурой общества.

Как полагает Фромм, все больше людей осознают, что если западная цивилизация не хочет погибнуть, то уже из чисто экономических соображений обществу необходима новая этика — новое отношение к природе, а также отношения солидарности и сотрудничества между людьми. Кроме того, огромный пласт западного общества — средний класс, получивший доступ к обеспеченной, бездумной потребительской жизни, уже не испытывает удовлетворения от своего благосостояния. Люди начинают понимать, что умножение имущества не делает человека счастливым.

Одно из наиболее серьезных возражений против возможности преодоления алчности и зависти опирается на убежденность, что эти качества присущи человеческой натуре от рождения. Однако при ближайшем рассмотрении эта формула не подтверждается. Эгоизм, жадность и озлобленность имеют не природные, а социальные корни, они навязаны человеку обществом, которое руководствуется принципом: с волками жить — по-волчьи выть. Как только изменится социальный климат, изменится и система ценностей, и тогда переход от эгоизма к альтуизму окажется значительно легче, чем это представляется сегодня [6, с. 426].

По мнению К. Хорни, индивидуалистическое общество предполагает так много разрушительного соперничества, что оно почти является культурной нормой. Современная культура экономически основывается на принципе индивидуального соперничества. Отдельному человеку приходится бороться с другими представителями той же группы, брать верх над ними и нередко «отталкивать» в сторону. Превосходство одного нередко означает неудачу для другого. Психологическим результатом такой ситуации является смутная враждебная напряженность между людьми. Каждый представляет собой реального или потенциального соперника для любого другого. Соперничеством и потенциальной враждебностью, которая ей сопутствует, проникнуты все человеческие отношения. Соревновательность является одним из господствующих факторов в социальных отноше-

ях. Соперничество присутствует в отношениях мужчин с мужчинами, женщин с женщинами, и безотносительно к тому, что является поводом для него — популярность, компетентность, привлекательность или любое другое социально значимое качество, — оно крайне ухудшает возможности прочной дружбы. Оно пронизывает школьную жизнь, семейную ситуацию, так что, как правило, ребенку прививают зародыш соперничества с первых лет жизни. Соперничество между отцом и сыном, матерью и дочерью, одним и другим ребенком не является общим человеческим феноменом, это лишь реакция на культурно обусловленные воздействия [7].

Хорни подчеркивает, что соперничество само по себе не является биологически обусловленным, а представляет собой результат определенных культурных условий, оно стимулируется начиная с колыбели вплоть до могилы. Потенциальное враждебное напряжение между людьми приводит в результате к постоянному порождению страха — страха враждебности со стороны других, усиленного страхом мести за собственную враждебность.

Все эти факторы вместе — соперничество и сопутствующие ему потенциальные враждебные отношения между людьми, страхи, сниженное самоуважение — в психологическом плане приводят к изоляции человека и создают обильную почву для развития неврозов.

Противоречия, заложенные в современной культуре — склонность к агрессивности и тенденция уступать; чрезмерные притязания и страх никогда ничего не получить; стремление к самовозвеличиванию и ощущение личной беспомощности — порождают невротическую личность. Это страдающее и неспособное к самореализации лицо, львиная часть усилий которого уходит не на созидание и творчество, а на свою защиту, преодоление страхов, тревожности и т. д., — распространенный типаж человека современного общества, которого Хорни называет «пасынком нашей культуры».

Таким образом, в современной культуре выделяются две тенденции: человек ощущает, что его собственное «Я» — это отдельная сущность, отличная от внешнего мира и про-

тивоположная ему. Он не только отстаивает свою индивидуальность, но и получает в этом громадное удовлетворение: он находит счастье в развитии присущих ему возможностей, овладевая собой и миром в процессе его активного покорения, занимаясь продуктивной деятельностью и выполняя творческую работу. Но противоположная тенденция — пробиваться сквозь скорлупу индивидуальности и освободиться от ее ограничений и изоляции — в равной степени выражает глубочайшее и коренное стремление человека и также обладает потенциальной способностью приносить удовлетворение. Ни одна из этих тенденций сама по себе не является патологической; как сохранение человеческой индивидуальности, так и принесение индивидуальности в жертву оправданы при решении человеческих проблем.

Литература

1. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. // Соч. в 2 т. — Т. 2. — М., 1990.
2. Ницше Ф. К генеалогии морали. Poleмическое сочинение. // Соч. в 2 т. — Т. 2. — М., 1990.
3. Ницше Ф. Состязание у Гомера. // Вопросы философии. — 2009. — №5.
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. // Соч. в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990.
5. Мюрберг И. Ф. Ницше о современном человеке в пространстве политического. // Вопросы философии. — 2009. — №5.
6. Фромм Э. Иметь или быть? — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.
7. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. — М.: Академический проект, 2009.

Поступила в редакцию

15 мая 2015 г.

Эдуард Игоревич Белоус — кандидат философских наук, доцент кафедры «Юриспруденция» Южно-российского государственного политехнического университета (НПИ).

Eduard Igorevich Belous — Ph.D., Candidate of Philosophy, docent of the South Russian State Polytechnic University (NPI) Jurisprudence department.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел: +7 (8635) 25-54-27; e-mail: terpravo@mail.ru